

АЛЕКСАНДР
БРЕУСЕНКО-КУЗНЕЦОВ

ДРАКОНЫ СМЕЮТСЯ

4

Ярусный мир

Ярусный мир

Александр Бреусенко-Кузнецов

Драконы смеются

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Бреусенко-Кузнецов А.

Драконы смеются / А. Бреусенко-Кузнецов —
"Мультимедийное издательство Стрельбицкого",
— (Ярусный мир)

Трёхъярусный мир создавало Семеро Божеств, которые устроили его справедливо: небесный ярус достался драконам, земной — живым людям, подземный — особой расе мертвецов, которые не были живыми никогда. И, вроде, всяк находил себе место в мироздании — но то было прежде, до экспансии мертвецов на средний ярус и установления Порога Смерти — неприступного барьера, способного перемещаться с запада на восток и всё сильнее ограничивать мир живых. За Порогом — земля, губительная для всего живого. Ужас? Но многие люди добровольно становятся мертвецами, чтобы там побывать, поработать, выучиться — и даже платят немалые деньги. А многие остаются среди живых лишь по причине стеснённости в средствах, а потому — завидуют мёртвым. Многие, но не все. Даже в среде мертвецов не исключены запоздалые прозрения. Быть может, ещё остались шансы сладить с Владыкой Смерти? Этот цикл романов — о тех и для тех, кто мертвецам не завидует. Четвёртый роман цикла. Распадается давний союз живых людей из царства Эуза и небесных драконов. Власть в Эузе становится необычно лояльной к мертвецам; драконы околдованы неведомой силой и перестают признавать правящую династию Драеладров. Новорожденный дракон-наследник не оправдывает человеческих и драконьих надежд, ибо растёт и развивается медленнее обычного, а враждебное окружение неуклонно наносит удары по немногим верным сторонникам. Ещё с младенчества перед маленьким Драеладром поставлена судьбой триединая задача: выжить самому, спасти своих человеческих родителей и доверившихся ему людей, возродить Восточно-Человеческую империю, некогда разрушенную мертвецами. Но сперва ему приходится прояснить скрытую суть происходящих событий — посещая засекреченную Академию наук

Эузы и бестолковый корабль дураков, разгадывая мрачные тайны
столичного Обсерваториума.

© Бреусенко-Кузнецов А.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Глава 1. Яйцо и мир	6
Глава 2. Маленький сфинкс	16
Глава 3. Человек-рептилия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Бреусенко-Кузнецов

Драконы смеются

Глава 1. Яйцо и мир

Как и все драконы, новый Драеладр появился на свет из яйца. Не ахти какая особенность биографии. Необычным кое-кому показалось лишь происхождение яйца: его снесла человеческая женщина по имени Лулу Марципарина Бианка.

О диковинном событии быстро узнал весь Ярал, ведь лучшая повитуха города, которая при нём присутствовала, не преминула растрезвонить о загадочном яйце по всей Белой горе. Впрочем, сведущие люди удивляться не стали. Роженица-то вышла из смешанного рода, объединившего несколько поколений драконов и людей. Из рода легендарного Великого Драеладра.

– Легендарного? А что это за легенда, дядя Хафиз?

Собеседник дракончика, грациозный выходец из Уземфа с тонким и подвижным лицом, на миг состроил горделивую мину сказителя героических саг, но призадумался и огорчённо признал:

– Легенду о Драеладре лучше всех рассказывает Бларп Эйуой. Если когда вернётся, нужно будет у него выпросить, а то я слышал урывками. Вроде бы самого первого – ещё не Великого – Драеладра в битве под скалой Глюм победил человек Ашогеорн из Гуцегу. А вот жена того Ашогеорна, царица Элла, почему-то родила дракона, которого за подвиги, мудрость и объединение враждующих драконьих родов назвали Великим Драеладром. Он-то и стал подлинным основателем ныне правящей династии...

– А сколько всего Драеладров было до меня?

– Много. К тому же все они долго жили, благодаря исцеляющему свету волшебной жемчужины, унаследованной ещё от первого Драеладра...

– И мне тоже дадут жемчужину?

– Нет, она потеряна. Вернее, выкрадена мертвецами из Шестой расы. Если бы её не похитили, прошлый Драеладр мог бы ещё жить и сражаться.

– Прошлый Драеладр? – переспросил дракончик. – То есть мой отец?

– Отец ли? Не уверен, – хмыкнул Хафиз, – у драконов всё сложно. Для наследования важна принадлежность к роду, но следующий Драеладр – не обязательно сын предыдущего. Чаще правнук. Главное же – принятие имени. Пока один Драеладр жив, другого дракона так не назовут.

– А почему люди на площади говорили, что я похож на отца? Они ведь имели в виду недавно умершего Драеладра.

– Не разобрались, – Хафиз усмехнулся, – о том, кто именно был отцом, лучше всего ведаёт твоя матушка. Но на прошлого Драеладра ты таки похож, да оно и не странно. В любом случае, вы с ним родственники.

– А чем я на него похож?

– Окрасом, формой чешуек, выражением глаз, цепким умом. А ещё он принимал такие же величавые позы, как ты сейчас. Думаю, эта чудная пластика ему пригодилась, когда он стал Живым Императором... – уж кто-кто, а Хафиз прекрасно разбирался во всяких позах, сказывалась подготовка наложника и длительный опыт служения в сералях.

Но Драеладр в его словах нашёл совершенно иной предмет интереса:

– Мой предшественник возглавил империю? Разве у драконов бывают империи? Или ты имеешь в виду человеческую?

– Да, Восточно-Человеческую, – пояснил Хафиз, – она объединилась вокруг Эузы ради борьбы с мертвецами. К сожалению, империя жила недолго и давно распалась; мёртвые и в тот раз оказались сильнее.

– Значит, восстанавливать империю придётся мне? – задумчиво произнёс Драеладр. – Кажется, я начинаю понимать, что за надежды с моим рождением связали люди под дворцом...

Да уж, давление этих надежд Драеладр ощущал задолго до того, как вылупился. У драконьих яиц чувствительные кожистые стенки, за которыми не спрячешься от внешнего мира. То-то он медлил выходить наружу, тщась вернуть спокойствие и сонную безмятежность – следы прошлого состояния, в котором яйцо ещё не было рождено.

– Ну, сейчас мало кто надеется возродить империю. Хотят, чтобы не было хуже, – Хафиз скривился. – Мертвецы ведь в человеческие земли так и лезут. Уже бы и на Эузу пошли войной, но до сих пор боялись Драеладра.

– Значит, мне тоже надо быть страшным?

– Для мертвецов, – уточнил Хафиз, – по крайней мере, для них.

* * *

Своё мысленное жизнеописание дракон сумел составить лишь к тому моменту, как научился сносно говорить. Пригодилась не только надёжная ранняя память, но и дружеский совет вовремя.

Беседы с Хафизом помогали Драеладру лучше понять даже те первые события полугодовой давности, когда сам он упрямо сидел в яйце, стесняясь проклёвываться наружу. Наивно ждал, когда за окнами на площади разойдётся толпа. Ну а толпа – она дожидалась тоже.

Очень многие в Ярале напряжённо ждали, когда же дракончик вылупится., Забывая о собственных обязанностях, они чуть ли не дежурили под южным крылом пустующего дворца Драеладра-старшего, в трёх комнатах которого обосновалась Лулу Марципарина Бианка со снесённым ею яйцом.

Ещё загодя, в ожидании рождения яйца, мать дракона обставила эти комнаты по своему вкусу – развесила по стенам картины да гобелены, обновила шкафы, починила столы и стулья. Ей помогали совсем незнакомые люди – из уважения к старому Драеладру, который и открыл Марципарине замок.

Кроме Лулу в одной из трёх обновлённых комнат дворца жил ещё Хафиз – бывший её наложник, а с некоторых пор – друг и помощник по хозяйству. Хафиз умел быть незаметным: дракончик в яйце его присутствия почти не чувствовал. Лишь порой отчётливо слышал негромкий мужской голос с особым певучим акцентом, выдающим уроженца Уземфа... Да и не слишком-то мужской, если хорошо вслушаться.

Мать обращалась с яйцом, как с ребёнком – носила его на руках, баюкала, успокаивала, закрывала от яркого света шторами, нежно разговаривала с ним, пела колыбельные, только что пока не кормила. Сквозь тонкие стенки яйца Драеладр чувствовал её заботу и терпеливое ожидание. И сам испытывал тёплые благодарные чувства и желание встречи. Если бы не люди, зудевшие за стенами, он бы вышел раньше. Если бы не напряжение, от которого не отгородиться ни белокаменными стенами, ни тёмными шторами, ни материнскими объятиями, ни одеялом, ни кожистой оболочкой. Непросто драконам появляться в кругу людей, в особенности – когда люди ждут.

Обычно дворец пустовал и специально не охранялся (в Ярале – не от кого), но с первого дня, лишь его окружила толпа, на страже у всех дверей и проходов встало добрых три десятка мужей с решительными лицами. Их прислала лично Эрнестина Кэнэкта – подруга

роженицы и бессменная глава внешней разведки Эузы. Пока Драеладр не вылупился, он не мог видеть госпожу Кэнэкт, но слышал уверенный грудной голос и чувствовал исходящую от неё игривую силу. С нею в жизнь дракончика вошло веселье и ещё один круг защиты. Людьми – и от людей.

Кэнэкта навещала подругу довольно часто, иногда с нею приходил во дворец некто Дулдокравн. Ещё не видя его, только по голосу дракончик догадался, что этот человек – карлик. Происходил Дулдокравн из Отшибины, а в ней карликов много – почти все. В большинстве отшибинцы вредный народ, но Дулдокравна госпожа Кэнэкта любила, да и мама Лулу к нему благоволила.

Правда, случались мгновения, когда на лицо матери Драеладра падала тень какого-то болезненного воспоминания. В такие минуты она очень злилась на карлика, да и Кэнэкте здорово доставалось. Не наяву – в переживаниях. Потом тень проходила, настроение выравнивалось, и Бианке становилось жаль, что так жестоко подумала о подруге и её ухажёре. Настолько крепко жалела, так сильно обижалась на саму себя, что могла с собою сутками не разговаривать. После маленький дракончик терялся в догадках, кто перед кем провинился: то ли Кэнэкта с Дулдокравном перед матушкой, то ли она перед ними.

Реже других друзей Лулу Марципарины Бианки во дворце появлялся Бларп Эйуой. Громкий уверенный голос, богатство интонаций выдавали в нём человека не только сильного, но и умного. И владела им какая-то сильная страсть, которая звала куда-то далеко, на поиски чего-то невероятно важного. Даже приходя, он словно отсутствовал во дворце, а когда обращался напрямую к Драеладру – он, как и Марципарина, на полном серьёзе разговаривал с яйцом – у дракончика оставалось впечатление, что чего-то ему не хватает. Верней всего, того самого, чего этот Бларп тщился найти.

Как и Кэнэкта, величавый Эйуой занимался разведкой, но – совсем по-другому. Он не командовал людьми, да и ни перед кем не отчитывался, а просто на пределе сил искал нечто крайне нужное для всех. Нечто самоценное, называемое мудрёным словом «артефакт» и толком не ведомое никому.

Умных советов Бларпа непременно слушались. Именно Эйуой, заметив, что Бианка подолгу гуляет по дворцовым залам с запеленатым яйцом на руках, указал, что дракончику сейчас важнее покой, а не новые впечатления. А значит, яйцо следует положить и лишний раз не трогать, пока Драеладр не вылупится.

Ух и нелегко пришлось Лулу, но прежнюю привычку таскать яйцо с места на место, величаво показываясь толпе в окнах, она всё-таки поборолла. Помогло ли это чем-то дракону? По крайней мере не навредило: Бларп Эйуой за свои советы отвечает. А вот сама Лулу, стоило прекратить прогулки с яйцом, вскоре стала тяготиться настойчивым вниманием горожан (куда девалось первоначальное воодушевление!) Зато теперь ей случалось сутками неотлучно сидеть при яйце, тревожась за дитя: вдруг вылупится – а она не рядом?

В покоях матери, в центре широкой постели, среди нежных подушек – яйцо с затаившимся Драеладром пролежало до середины лета, когда толпа перед дворцом наконец-то схлынула. Облегчение при этом испытал не только всеми ожидаемый дракон, но и Марципарина.

Самые хитрые зеваки поняли, что под дворцом ожидать нечего, и старались разговаривать Хафиза. Тот ранее на равных разделял с Лулу хозяйственные заботы, потом полностью взял на себя; так вот теперь его как бы ненароком встречали на выходе из дворца, либо на рынке. На расспросы обученный восточному стихосложению Хафиз всегда отвечал рифмованными прибаутками:

«Драеладр пока в яйце,
В белокаменном дворце».

Но и за такие новости люди из толпы Хафиза неизменно благодарили.

Момент, когда из кожистого драконьего яйца показался Драеладр, пришёлся на ночную пору; в небе над Яралом собралось четырнадцать звёзд. Бларп Эйуой, не чуждый астрологии, догадался о причине такого парада, и наутро первым явился приветствовать Драеладра. За ним явилась госпожа Кэнэкта и с нею – отшибинский карлик Дулдокравн.

Так у кружевной подушки, на которой возлёг новый глава драконьей династии, собрались все ближайшие друзья Лулу Марципарины Бианки, с какими она виделась в Ярале. Кроме них матери явленного дракона хотелось видеть разве лишь некоего рыцаря Чичеро, но тот никак не мог прийти, поскольку пребывал в заключении – в тяжёлом сундуке, который делил с жутким демоном, именуемым Владыкой Смерти.

* * *

Вылупившись, Драеладр получил способность внешнего зрения при помощи глаз. Он хорошо рассмотрел тех, кого доселе слышал и чувствовал.

Вот Лулу Марципарина Бианка, его человеческая мать. Изящная и гибкая светловолосая женщина с глазами, лучащимися счастьем. Ждёт ли она от сына чего-то особенного? Да нет: ждёт его самого – и с радостью. Её руки всегда готовы обнять, а улыбка – такая трогательная. И она хочет нравиться Драеладру. Бескорыстно, лишь для того, чтобы воспитать в нём чувство прекрасного.

Тень, которая иногда набегает на её лицо... Нет, глазами не заметишь, эта тень пуглива – подкрадывается лишь наедине, причём изнутри, не снаружи. И ещё Лулу, как истинная мать, не позволяет тени пугать дракончика.

Вот Эрнестина Кэнэкта – женщина постарше, с более пышными формами, чем у матери, но в талии – почти столь же тонка. Округлая мягкая податливость в теле, тёмный огонь в глазах – Драеладру понятна и такая красота. В ней – вызов живого тела бесстрастной мертвечине, с которой издавна борется разведка Эузы. В ней – обещание всему живому.

Сейчас у неё карлик, но она всегда готова помечтать, хоть бы и о драконе. Когда-нибудь он вырастет, и разведчица положит на него глаз, обещает она. Обещает не ему, а самой себе. Всё разведать, всё изведать и на личном опыте убедиться – это ли не цель её желаний?

Порой она понимает – и сожалеет сама, что для успеха разведывательного ремесла она слишком проста, что слишком уж авантюрна, а это до добра не доводит. Но что поделать: даме нравится сам процесс, она слишком игрок, чтобы вовремя остановиться, и от того на лице её – печать обречённости. Как водится, надёжно укрытая слоем нежных уземфских белил по рецепту Хафиза.

А это Дулдокравн – отшибинский карлик, чернолицый, да ещё и одноглазый – он кажется карикатурой на человека. На лице – заученная недовольная гримаса, знак принадлежности к Великому народу. Но при том он непрост: осанка выдаёт аристократа, во взгляде – затаённая боль. Нет, не об утерянном глазе он печалится. Его потеря больше него самого, и даже жаркой любви Кэнэкты не исцелить жестокой раны.

Бларп Эйуой – тот высок, крепок. На лице – печать ума, закалённого неудачами. Лёгкая карамцкая борода (Бларпу случается выдавать себя за купца из тамошних земель). Ироничная усмешка в бороду. И взгляд, такой же отстранённый, как и голос. Разведчик ищет, причём что-то, чего здесь нет. Его не прельщают интриги и приключения, а подавай «артефакт».

А вот и Хафиз. Тонкое смазливое лицо, ловкость движений, вся фигура выражает готовность услужить и спокойное удовлетворение малым. Цель? Если и есть она у Хафиза, то он к ней не стремится. В прошлом он избежал лютой смерти, при этом лишился ремесла:

после всего он больше не наложник. Парень мечтал вернуться к Лулу Марципарине – и вот она рядом. Выходит, жизнь Хафиза удалась?

Свежевылупившийся дракон видел многое. Что-то сразу понимал из самого себя, но множество вовремя непонятых впечатлений оставлял на потом.

Много позже Драеладр научился говорить и нанизал слова на гибкую образную основу. Вместе со словами в его опыт пришли знания об обычаях Уземфа, Карамца да Отшибины, о разведке Эузы и её задачах, о прошлом и будущем того дня, когда он вылупился и распахнул глаза.

Драконы склонны постигать мир не постепенно, а как бы заглатывая его целиком. Но чтобы постигнуть мир, населённый людьми, дракону-младенцу сперва приходится поделить его на части. Очень уж люди неоднородны.

Важнейшей частью мира, прежде равновеликой целому, для Драеладра оставалась Лулу Марципарина Бианка, очаг нежной любви и заботы. Интереснейшей частью человеческого мира был ближний круг друзей матери: Эрнестина Кэнэкта, Бларп Эйуой, одноглазый Дулдокравн, бывший наложник Хафиз, а ещё спрятанный в сундук рыцарь Чичеро, чьё незримое соучастие в своей жизни Драеладр всё далее прозревал.

Прочие части человеческого мира состояли в своей основе из слабозначимых масс. Таких масс дракон мог бы насчитать три.

Далёкая, но страстная толпа на площади составляла самую большую часть воспринятого мира людей, а молчаливые стражи, оградившие дворец от этой толпы – часть скромную, но необходимую. Кроме того, вокруг матери Драеладра сформировался отдельный – чисто женский мирок, в который вошли не столько близкие подруги, сколько любопытные приятельницы.

Итого, в своём делении человеческий мир насчитывает пять частей: мать – друзья – толпа – стражи – приятельницы. Или так: мать – друзья – стражи – приятельницы – толпа. Или ещё как-нибудь.

Хотя вылупился дракон в ночной тиши, увидеть толпу ему привелось очень скоро. Известие о появлении на свет Драеладра жители Ярала встретили бурным ликованием; масса на площади вновь собралась в считанные минуты. Счастливая Лулу Марципарина Бианка вынесла его на балкон показать собравшимся. Дракончик жмурился от солнца и от множества устремлённых на него взглядов, а гром приветственных криков побуждал его спрятать голову под перепончатое крыло. Ему безудержно радовались, но к ликованию примешивался и без труда различимый тревожный оттенок.

Вылупившись, маленький Драеладр первое время не понимал человеческую речь, хотя превосходно её слышал и запоминал на будущее. В дальнейшем он о многом расспросил верного Хафиза, с которым коротал последние месяцы младенчества в уединённой хижине на вконец обезлюдившей юго-восточной оконечности Ярала, в своё время трижды накрытой жестокими оползнями.

* * *

...Оползневый склон. Как он там оказался – вопрос особый, причём относящийся к более позднему времени, чем первые безоблачные взгляды на мир. Когда ты заперт на склоне, поневоле обратишься мыслью от скудного настоящего к другим временам. Бедная событиями жизнь протекала в снах и беседах с Хафизом, которые возвращали Драеладра к событиям более ранним. Ранних-то – было гораздо больше, их запутанных связей с избытком хватило для заполнения всего долгого периода сидения на Оползневом.

И снова Драеладр вспоминает, внося точность и ясность в былые дни...

Вот позапрошлого лето, белокаменный дворец в Ярале, впервые увиденная толпа на площади, отдельные голоса. О чём они тогда говорили? Дракончик облёк звуки в слова – и узнал.

– Ну, слава Божествам, – облегчённо перешёптывались меж собою люди, – раз в роду Драеладра пополнение, мертвецы до нас больше не дотянутся из-за своих Порогов Смерти.

А другие улыбались:

– Ой, на меня, кажется, посмотрел! А на тебя – Драеладр-то?

Третьи пророчествовали:

– Один Драеладр нас покинул; и людям было страшно, но страх пришёл не надолго; зато новый Драеладр нас точно спасёт, укрыв могучими крылами – и глядели на малыша такими взглядами, словно он уже вырос до размеров изрядного холма, способного их заслонить от всех напастей.

Люди улыбались... Тянулись... Мечтали... Надеялись...

И вдруг – как отрезало.

Разочаровал.

* * *

Да. В некий неуловимый миг настроение людей резко изменилось – всего через месяц после самой бурной радости. Что-то новое узнали эти люди, о чём дракончик ничуть не догадывался, но чувствовал: теперь его существование не вызывало у них особого восторга, а скорее досаду и раздражение.

Изредка досада выливалась в доступные осмыслению слова.

– ...А денег из Эузы опять не прислали. И не пришлют! – шумели люди.

– ...Да сдадут мертвецам и дело с концом! А вы как думали?...

– ...Год назад ещё к этому шло! Я ведь сразу сказал – нас там за людей не держат. И вот почему...

– ...А продукты-то не дешевают...

– ...Как Порог сдвинулся, так всех наших тупо забрали... ага, всё цанцкое подполье, всех ребят из Дрона, Кляма, из нескольких замков – и куда потом? Никуда! Кому жаловаться, коли Порог сдвинулся? Владыке Смерти?

– ...Никому, никому ничего не надо!..

– ...Так этот новый Драеладр стал какой-то неправильный! – и такое тоже говорили. Притом неизменно хмурились.

Последнее сказанное и вовсе ставило дракона в тупик. А ведь в нём со времени общего поклонения ничегошеньки не изменилось. Да и не в нём одном.

Дракон не менялся, а людское волнение нарастало. Вот ведь загадка... Может, потому и волновались: в облике Драеладра не наступало всеми ожидаемых перемен! Но только каких? Чего именно они ожидали?

Деньги на содержание разведчиков, которые снова задержали в Эузе – к дракону ли вопрос? Или ему самому, без скидки на малолетство, предлагалось лететь выгрызть их из столичного казначейства? А люди из подполья городов, ушедших в Запорожье примерно года за полтора до рождения Драеладра... Они-то чего до сих пор ждали? И отчего перестали ждать именно сейчас?

– Не стоит особенно переживать, – качала головой госпожа Кэнэкта, – наши яральцы – народ добродушный. Ну, бывает, рассердятся, не без того. Но ведь не на драконов! Все понимают, что без драконов и Ярала-то не будет...

Резкая смена настроения людей на площади поставила в тупик не только маленького бессловесного Драеладра, но и Лулу Марципарину – она и подумать не могла, что кто-то

перестанет восторгаться её любимым крылатым детищем. И крепко за него обиделась – не без этого.

– Зачем же они приходят, если они нас больше не любят? – в недоумении произнесла Лулу.

– Приходить сюда – древняя традиция Ярала, – пояснил Бларп Эйуой, – она показывает, что у народа от правителей нет секретов. Кто чем-то недоволен, заявляет честно. Его не имеют права арестовать, если ведёт себя вежливо.

– Но разве вежливо говорить такие вещи? – вспыхнула Марципарина.

Бларп не ответил, дабы не подлить масла в костёр обиды, но, кажется, под невежливостью понималось что-то большее, чем просто говорить. Что-то совсем уж небезопасное.

– Теперь я понимаю, какова здешняя публика, – в печальном ожесточении промолвила Марципарина Бианка, – а то всё думала: о чём это вы мне толкуете? – она имела в виду недавний совет не забывать об осторожности.

Ибо как только площадь качнуло от радости к лёгкому раздражению, госпожа Кэнэкта, Бларп Эйуой и другие разведчики предупредили Бианку, что хорошо бы ей с сыном-драконом на людях показываться пореже. Ну, как было уже ранее – с невылупившимся яйцом.

Сказать, что мать Драеладра тому совету удивилась – ничего не сказать. Может, она раньше думала, что с появлением на свет Драеладра весь мир спасётся без дополнительных усилий.

– Да, я мечтательница! Я поняла, что просто-таки витаю в иллюзиях. Но если я не права, то как же жесток и несправедлив мир!

Увы, совету друзей из разведки мечтательница вняла не сразу. С момента, как Драеладр только вылупился, у неё вошло в привычку подолгу гулять во внешнем дворе замка с дракончиком на руках. Она подставляла чешуйчатое дитя горячему поздне-летнему солнцу и с удовольствием делилась выпавшим ей счастьем с близкими друзьями и любопытными знакомыми. Спрятаться? Укрыть всеобщего любимца и надежду всего Ярала? Да это смешно! Тем более, что настала осень, солнца и на свежем воздухе не хватает, а в каменный дворец оно проникает еле-еле: зачем же растущему существу от него прятаться?

Зачем? Но недовольные речи на площади сказали сами за себя, а стражи довершили картину. Готовые в случае чего отразить натиск, они так и буравили скопище зевак настороженными взглядами. Марципарину Бианку – убедили.

В ту пору Хафиза как-то раз чуть не побили на рынке. Встретили крепкие ребята – грузчики с воздушных пирсов. Надвинулись, шугнули, долго кричали вслед что-то нелестное. Главную суть претензий уземфед не уловил, но лейтмотивом шло недоверие Драеладру и всем, кто о нём заботится.

А ведь эти грузчики и к дворцу приходили! И вместе со всеми трепетно ждали, когда дракон вылупится. Отого переход от обожания к злости был столь единодушен и внезапен? Напрашивалось подозрение, что сборище под окнами дворца кто-то специально подзуживает. Уж не расправа ли назревает?

Тут-то впервые стало ясно, что стражи, присланные Кэнэкттой, охраняют дворец не зря. Пригодились как нельзя кстати. Встали живой преградой против безликой площадной стихии.

* * *

До сих пор для дракончика стражи составляли особую часть человеческого мира – внутренне слегка отчуждённую, но доброжелательную – в силу принятой обязанности. Недостаток взаимного интереса не мешал стражам тонко заботиться о его безопасности, но и забота – не повышала интереса.

Из трёх десятков стражей дворца внимание Драеладра привлекли лишь двое: Уно и Дуо. Кажется, оба не были коренными яральцами, а прибыли откуда-то из-под Цанца, ныне скрытого за Порогом Смерти. В обособленном от остального мира горном Ярале иноплеменники всегда заметны и шансов сойти за своих имеют мало. Хафиз подтвердит.

По-правде говоря, был и другой повод отличить Уно и Дуо: среди своих товарищей они были хуже всего вышколены, и уже это бросалось в глаза. Первый вечно норовил переложить на других свои обязанности, а второй всюду таскался с обшарпанным арбалетом. Как закинет за спину, поминутно шарит рукой, проверяет: на месте ли. Офицер стражей, поглядев на такое, объявил Кэнэкте:

– Этот – сразу видно, имел опыт потери боевого оружия.

– Нет, – отрезала та, – он имел иной опыт, о котором я в курсе!

Наверное, Кэнэкта не без задней мысли включила Уно и Дуо в охрану дворца: она на них надеялась, ибо неплохо знала. Да и не только она: все друзья Марципарины именно этим двоим стражам кивали при встрече. И Хафиз полагал, что лишь случай превратил Уно и Дуо в стражей. Не завербуйся они к Кэнэкте на службу – как пить дать, входили бы в дружеский круг.

Правда, стоит ли держать друзей в охранниках – вопрос особый. Хафиз на сей счёт полагал, что – всяко бывает. Но чаще бывает так, что не стоит.

На третий день после случая на рынке те же наглые колоброды с пирсов принялись бузить уже перед дворцом, пытаясь втроём раскатать разочарованное площадное скопище. Каждый бросил в сторону здания по увесистому камню. Не прицельно, а просто так, чтобы считалось за смелый поступок. Чтобы всякому захотелось повторить.

Но общее сбирище не поддержало храбрых грузчиков. Раздались крики:

– Эй, не грубить! – ну а те давай пререкайся. Уже и кулаки замелькали.

Стражи оказались на высоте. Резкой команды офицера и слаженного скрипа арбалетных механизмов оказалось достаточно, чтобы охладить пыл грубиянов. Притихли, попытались затеряться в толпе. Тогда командующий буднично, но громко сказал:

– Всех, кто не бросал камни, прошу разойтись.

Чтобы, значит, невиновных ненароком не зацепило.

Толпа и разбрелась. Вся. А наутро собралась опять, и роптала, и всласть поддразнивала стражей, но камнями больше не баловалась. Баловники не пришли.

Офицер охраны после вчерашнего сиял как именинник. Рассеять толпу без единого выстрела – доблесть немалая. Правда, славную картину моральной победы стражей портил один неудачный штрих: выстрел-то всё-таки был. Злополучный Дуо не удержался, да и стрельнул в одну из ненавистных рож. По-дурному, без команды, к тому же – мимо. А промахнуться по такой плотной толпе – тут особый талант надобен.

У офицера стражей разговор короткий: прогнать сквозь строй.

Парень довольно неловко попытался оправдаться. Мол, всё равно не попал, а выстрелил случайно, да и вовремя не понял, ждать ли особой команды, когда неприятель уже набрал камней и дворец штурмует...

Вот его и наказали: за небрежность, заслушание и за промах. И заодно за особое отношение Эрнестины Кэнэкты – как же без этого.

Драеладр пусть и не присутствовал при том избиении, но находился недалеко; какие-то звуки с внутреннего двора долетели, а с ними – и горькая боль наказанного. Её он почувствовал, как свою собственную.

Много позднее Хафиз, как мог, растолковал дракону заключённый в той давней истории урок: *если друзья тебе служат впереमेжку с просто служивым людом, кто-то всегда останется в обиде*. Проникшись мудростью сказанного, Драеладр пообещал себе, что

непременно избегнет подобного рода ошибок, когда станет императором. Ух и ответственным же драконом он рос!

* * *

Морально побеждённая толпа на площади не уставала собираться, но быстро теряла энергию. На новые «подвиги» уже не решался никто. Парнями с пирсов – возмущалась, как не своими. Ещё бы! Кто помнил отважные броски камней, тот помнил и скрип арбалетного взводного механизма. И то, как раз повезло унести ноги, а другой раз может не повезти.

– Они действительно мало кому свои, – прокомментировала Кэнэкта, – грузчик разведчику не приятель, а в Ярале разведчики почти все. Многие ушли от дел, но, знаешь, бывших разведчиков не бывает. Уж они-то не предадут!

– А если снова явятся... эти? – Лулу с презрением помянула грузчиков.

– Их схватят без разговоров, пусть только явятся! На них очень злы.

– А теперь почему не схватили? – насторожилась Бианка. – Не могут найти?

– В Ярале не спрячешься, – заверила её разведчица, – мои люди за ними следят; они в трактире «У пирса». Долго уже следят, боюсь, как бы не спились.

Грузчиков ко дворцу принесло тем же вечером, стоило им в том трактире как следует захмелеть. Весёлые и злые, парни надеялись на реванш. Да только разведчики на площади попались им всё больше трезвые да несговорчивые. После короткой потасовки всех троих ловко скрутили, чтобы передать в руки подоспевших стражей. А самому резвому – так и нос сломали. Как для простого грузчика, высокомерно задирал.

– Что я говорила! – с торжеством припомнила Кэнэкта. – Наши ведь люди: сами могут сто раз ворчать неласково, но дракона в обиду не дадут!

И всё же «неласково ворчать» под окнами дворца продолжали. Наутро снова расстроили до слёз Лулу Марципарину.

* * *

Ещё до передачи троих виновников камнеметания дворцовой страже людям Эрнестины Кэнэкты удалось за ними проследить, и не безрезультатно. В трактире один из парней расплачивался золотыми некроталерами. У остальных двоих некроталеры нашли при обыске. Откуда у грузчиков Ярала мертвецкие деньги?

Следователи Кэнэкты учинили им жёсткое дознание – но, по словам разведчицы, выяснили немного. Глуповатое хулиганье и само толком не знало, как звать и где искать того, кто с ними расплачивался.

– Кто-то платил негодям за бузу перед дворцом, – рассказывала Кэнэкта, – кто-то не из наших, не из яральских. И цели свои обнаружил не сразу. Сначала начал платить – они и сами не докумекали, за что. А потом и говорит: действуйте, раз заплачено. Сам улетел с первым воздушным замком, но кого-то оставил за делом наблюдать. Знать бы – кого... Но в городе разведчиков может каждый.

– Столичный след? – предположил Эйуой.

– Да, думаю, кто-то оттуда, – при упоминании об Эузе-столице Кэнэкта поневоле мрачнела, становилась много старше лицом, – ведь из мертвецких земель к Яралу напрямую и не подобрёшься. Только через Эузу. Там нынче плохо отлавливают предателей, а моя служба, – Кэнэкта взяла самый бесстрастный тон, какой только смогла, – не имеет права туда соваться.

– А может... – прищурился Бларп.

– Нет! – прервала Кэнэкта. – На меня и так смотрят косо. Глупо обострять. Наших-то там раскусят сразу, вышибут со скандалом, а то и казнят – просто из вредности. Мы ответим,

начнётся вражда, Ярал заподозрят во всех бедах на годы вперёд. Зато предатели как обрадуются!.. Нет, не бывать тому. Лучше будем пристальнее вычищать Ярал.

– А недочищенные – прятаться в столичной Эузе, снова вербовать подонков и собирать у нас на площади? – поддел Эйуой.

Эрнестина Кэнэкта досадливо фыркнула:

– Если бы готовых подонков! Так ведь сперва вербуют простых людей! Те грузчики, когда впервые выходили на площадь – подумать только: просто собирались встретить рождение Драеладра. Пришли по велению души. Чего они тогда хотели? Устроить праздник, повеселиться...

– Но праздник запаздывал, – уточнил Эйуой.

– Да, конечно. Время шло, а люди стояли, приходили вновь и вновь, ожидая, когда же дракон вылупится. А ждать-то пришлось порядочно. Многие, чтобы дожидаться, забросили все дела. Тогда чьи-то слуги стали раздавать продукты и деньги. Вроде, не придерёшься, «чем смогли, помогли». Но деньги вручали не за просто так. Готовилась петиция новому Драеладру обо всех проблемах города. То-то и спрашивали, где чего не в порядке. Вынюхивали...

– А петицию собирались подать дракону, как только вылупится? – Бларп Эйуой издал невесёлый смешок. – Ну сильны...

– Ясно, что петиция – для отвода глаз. И уже тогда готовилось что-то покрепче. А самым смелым, – в голосе Кэнэкты лязгнуло презрение, – пообещали настоящие некроталеры.

Бларп Эйуой взволнованно подытожил:

– Сначала деньги живых, потом деньги мёртвых, и не только троим, а всем, но постепенно. То-то и развелось на площади жалобщиков. А заодно и встреча Драеладра – переросла в ожидание проводов. Однако, у мертвецких прихвостней неслабый размах. Стражи-то справятся, если что?

– Мои люди уже работают в толпе. К счастью, все друг друга знают, все свои, да и зараза далеко не проникла. Но сташно подумать, сколько бывалых разведчиков купилось на дешёвую подачку. Конечно, Эуза не платит, многие бедствуют, но всё же...

– Может, потому и не платит?

Весь этот важный разговор друзей-разведчиков малыш Драеладр услышал случайно, благодаря открытой двери. Лулу Марципарине Бианке с утра показался нездорово-бледным цвет его чешуек, вот она и проветривала помещение.

А мог бы и ничего не услышать – очень даже запросто. Ведь люди, которые видели в нём чуть ли не реинкарнацию Живого Императора, и не подумали поставить его в известность. Да только стоит ли их винить? Трудно надеяться на серьёзное к себе отношение, когда ты недавно вылупился – и в некоторых отношениях недалеко ушёл от яйца.

Глава 2. Маленький сфинкс

В ту пору мир дракончика особенно сильно сузился, ведь мать взялась его оберегать от всего, что покажется опасным, а казалось-то ей многое. Жизнь в единственной комнате приятно скрашивали регулярные проветривания – они позволяли заочно путешествовать воздуху; к нему Драеладр умел внутренне присоединяться, чтобы совместно познавать мир более широкий.

В более широком мире Бларп Эйуой и Кэнэкта из кожи вон лезли, чтобы защитить мелкий мирок с Драеладром внутри. А что же было делать спасаемому – переворачиваться с боку на бок? Для кого-то и этого довольно. Но у младенца-дракона совсем другие запросы, чем у младенцев человеческих. Да и матери в четырёх стенах бывало туго.

Когда площадь за стенами поуспокоилась в показательных стенаниях и утратила к Драеладру избыточно требовательный интерес, матушка дракона облегчённо вздохнула, – и не успел её сын опомниться, как мирок вокруг них почти целиком заполонили умильные женские интонации.

Несколько родственниц и приятельниц Лулу Марципарины Бианки теперь ежедневно её навещали с единственной целью выполнить нехитрый ритуал: всплеснуть руками, погладить по чешуйкам, произнести одинаковые слова с разной мерой искренности.

Первая яральская модница – госпожа Ута из дальней ветви рода Драеладра – стала появляться во дворце ещё с того момента, как посторонним входы в него перекрыли стражи. Прежде она Марципарину и знать не знала; верно, горячий интерес толпы побудил её искать запоздалого знакомства. После того же, как Драеладр вылупился, в круг равнодушных посетительниц вошли Капитолина и Валериана – супруги градоначальника Ярала и первого советника, потом их число ещё возросло за счёт подруг Уты.

Хотя всякий человек в Ярале знал о его великом предназначении – Драеладр чувствовал это знание окружающих всеми чешуйками – для женщин из этой группки дела семейные представлялись много важнее, чем подвиги, которые кому-то предстоит свершить.

Стремление к непостижимому женскому счастью, которым весь этот кружок сплотился вокруг материнства Марципарины, принимало разные оттенки от сладкого сорадования до едва прикрытой зависти. Кажется, многим здесь хотелось бы родить дракона вместо неё – даже Уте, которая своего дракона уже некогда родила, но та, правда – без особых почестей. Не к любому дракону в роду переходит главное имя.

Как и люди, маленький Драеладр появился на свет беспомощным комочком, способным вызвать симпатию у кого только можно. Что за прелесть этот малыш! Какие милые глазки! Что за носик! А щёчки круглые-круглые – в мать! И как задорно он улыбается! И такие ладные ручки, ножки, крылышки! И чешуйка смешно топорщится на пузике!

Драконы ничего не забывают и способны задним числом осмыслить речь на непонятном ещё языке, но слушая день за днём примерно одно и то же, Драеладр заранее определил некоторые речи как пустые – и намеренно от них отвлекался. Ведь запомнишь эти слова – и они однажды введут тебя в заблуждение, ибо правильного смысла не имели изначально.

* * *

В детский мирок Драеладра совершенно новые люди вторгались редко, да и то – лишь тогда, когда их посещение одобрялось матерью и её друзьями. Чешуйчатого младенца берегли. Площади не давали хлынуть во дворец даже в период её полной благожелательно-

сти, не говоря уже о дальнейшем. Но некоторые визиты так и остались дракону непонятны. И не ему одному.

Однажды госпожа Кэнэкта предложила Лулу показать сына отшельнице Бланш, кстати, родной бабушке Бларпа Эйуоя. «С какой целью?» – спросил бы Драеладр, если бы тогда умел. Но ведь и так понимал: цель разведывательная. Что-то следовало узнать ради блага всего Ярала, всей Эузы и живого человечества. Лицо у Кэнэкты было сосредоточенное, слова падали напряжённо. Всякий поймёт, что сейчас в ней говорила не подруга.

Наивная же мать Драеладра с воодушевлением согласилась. Наверное, кажется, просто хотела похвастаться любимым сыном и перед этой Бланш.

Правда, быстро доставить старушку в Ярал оказалось не под силу даже её прославленному внуку. Бланш удалилась от суеты на остров Новый Флёр, затерянный где-то на краю нижнего из небес. И пусть от высокогорного Ярала до нижнего неба ближе, чем от любого другого наземного города, всё же полёт туда и обратно в воздушном замке отнял у Бларпа Эйуоя кучу времени.

Гостья вошла во дворец с чёрного хода и под покровом ночи, стараясь не попасться на глаза непосвящённым горожанам. Только четырнадцать звёзд на небе не просто видели Бланш, но и освещали ей путь. Эти звёзды, по уверениям Хафиза, появились в ночь, когда Драеладр вылупился, и не пропадали даже в облачную погоду.

Провидица держалась с уверенностью, говорила сухо и глядела так, что дракончику под её взглядом было не по себе. Без долгих расшаркиваний она велела Лулу Марципарине Бианке показать ей дитя.

Старая Бланш была известна как предсказательница будущего по глазам драконов. Что она там обычно видела в драконьем взоре, её дело, но встретившись взглядом с Драеладриком, старушка перепугалась не на шутку. Заслонила ладонью, зашептала заговоры-обереги, прислонилась к стене. И, ничего никому не сказав, поспешно удалилась.

Наутро её внук, хитроумный Бларп Эйуой, просил Марципарину не держать зла на впечатлительную бабушку, назвал причину страха смехотворной, но в чём она состояла – утаил. Когда же Хафиз пытался настоять на прояснении смехотворной причины, Эйуой отшутился.

– Он сказал: «Смехотворные причины бывают слишком опасны», – припомнил дракончик.

– Да, что-то наподобие, – согласился Хафиз. Таких подробностей ему самому не упомянуть: как-никак, чистокровный живой человек со всеми положенными несовершенствами.

В тот же день Лулу Марципарина Бианка унесла новорожденного сына-дракона в маленькую комнатку без окон в магически защищённом от наблюдения свыше уголке дворца, где и выкармливала своим освежающим молоком. От кого она его прятала, осталось тайной. От людей, или от четырнадцати любопытных звёзд, пронзивших лучами льды семи небес, чтобы выведать подробности возрождения легендарной династии? Люди не могли пронзить взорами стены комнатки, от внимания звёзд малыша закрывала заговорённая люстра.

– А что такое звёзды, дядя Хафиз?

– Очаги божественной энергии, – не задумываясь, отвечал тот, – их довольно много в небесном ярусе. Четырнадцать главных звёзд – глаза Семи Божеств, сотворивших наш мир.

– А зачем звёздам за мной наблюдать?

– Ну, это у самих звёзд спросить надо бы... – с некоторых пор ответ Хафиза на вопрос о наблюдателях стал уклончивым. Наверное, чтобы подрастающий дракон не заносился. Но Драеладр прекрасно помнил все прошлые ответы, в которых Хафиз не осторожничал. Дракон твёрдо усвоил, что принадлежит к правящему драконьему роду Драеладров, каковой накануне его рождения едва не пресёкся с уходом Живого Императора. И догадывался, что

за надежды с ним связывают Божества. Те самые, от которых отпали малодушные жители Ярала.

* * *

Ох уж эти люди! Отчего они тобой восторгаются и чего ради разочаровываются? Непостижимые существа, склонные сливаться в стихийные массы, неразличимые даже цепким умом дракона!

Даже выучившись речи и выпросив у Хафиза, что только можно, Драеладр не понимал в чём-то главных людей – даже самых близких и дружественных.

Во-первых, загадочного Чичеро, рассказывая о котором, Хафиз путал и себя и собеседника. Во-вторых, самого Хафиза: что он делает здесь, в Ярале, где нравы лишены утонченности и мало кто нуждается в наложниках? В-третьих, Бларпа Эйуоя: каково его родство с драконами, о чём он постоянно думает и куда исчезает? В-четвёртых, Эрнестину Кэнэту: чем она встревожена, когда напускает на себя беззаботный вид? В-пятых, одноглазого чернотыпа Дулдокравна: как он, отдельный живой человек, мог быть составной частью мертвеца Чичеро? В-шестых, конечно, провидицу Бланш – ибо никто до конца не поймёт настоящую провидицу.

Ну, а в-седьмых... (да нет, это во-первых!), он ещё не мог понять Лулу Марципарину Бианку – собственную мать. Что с ней стряслось, и где она теперь? Теперь, когда дворец пришлось сменить на отшельничью хижину, и рядом из многих человеческих воспитателей остался один Хафиз.

Надо признать, уземфеец старался, но был далеко не всеведущ, к тому же владел искусством темнить и плутовать. Почти каждое событие, в котором участвовали люди, дракону приходилось, прибегая к помощи Хафиза, долго истолковывать самому. Потом иногда оказывалось, что наложник ответ знал, просто стеснялся озвучить сразу.

Взять бы хоть ту самую первую, благостную встречу с толпой, когда гордая Лулу вынесла вылупившегося сына на балкон. От слишком громких приветствий дракон спрятал голову под крыло. Люди же огорчённо ждали, когда же он на них посмотрит, чтобы осчастливленными разойтись.

– Зачем они караулили моё рождение? – как-то спросил Драеладр у Хафиза. Тот ответил, что яральцы, должно быть, надеялись своим участием помочь ему вылупиться. Помогли – и ушли восвояси.

– Да? – усомнился дракон. – Что-то я не почувствовал никакой помощи. Даже наоборот. Тогда Хафиз нехотя припомнил иной повод для стечения народа:

– Есть ещё примета. На кого поглядит новорожденный Драеладр, тому подарит удачу и долгую жизнь.

– Вот это уже похоже на правду, – с усмешкой в голосе заключил дракон. Ну ещё бы не усмехаться: Хафиз перестал темнить – и всё тут же прояснилось. Отдельный вопрос – зачем темнил Хафиз, но зато люди...

Люди с этих пор ему казались всё понятнее – с каждым днём. Если и подбрасывали загадки, то – решаемые без труда.

Следующая загадка – о людском разочаровании. О резком переходе от обожания Драеладра к полному обесцениванию. Резком, как по команде.

– Так разве это ещё секрет? – удивился Хафиз. – Ведь следователи госпожи Кэнэты давно хорошо поработали со смутьянами, – тут уземфеец напомнил о вражеских некроталерах, ввергших в беду троих грузчиков. Ну, и о подачках поскромнее, за которые ловкие горожане и выходили роптать на площадь.

По правде говоря, о памятной беседе Кэнэкты с Бларпом Эйуоем Хафизу рассказал сам Драеладр. Уземфец-то при ней не присутствовал – быть может, ушёл на рынок за продуктами. Теперь же он возвращал чуть ранее полученные сведения на адрес отаправителя – и сам удивлялся короткой памяти дракона:

– Причина, как известно, была в соблазнении лёгким заработком. Команда исходила от тех, кому выгодно. В конечном счёте – от мертвецов. Соблазнение – это ведь их обычная тактика.

– И всё-таки что-то не сходится, – покачал хвостом Драеладр. – Конечно, за некроталеры можно выходить на площадь и что-то изображать, пугая нас и провоцируя стражей. Но – разочароваться? Как это сделать за деньги?

Хафиз не сразу понял, что дракон говорит о подлинном глубоком разочаровании, а не о купленном за некроталеры мертвецов пустом наигранном спектакле – с его-то тремя зарвавшимися исполнителями и более осторожной массовой и пришлось поработать дознавателям Эрнестины Кэнэкты.

– Подлинное разочарование? Я не уверен, было ли оно...

Ещё бы, ведь чтобы определять истинную глубину владеющих людьми переживаний, надо обладать чувствительностью дракона. Уземфец не думал, что многие яральцы могли разочароваться искренне, и даже намеренно этой возможностью пренебрегал. Ибо искренность предателей – товар дешёвый. Цена ему – ломаный некроталер на свободном рынке.

– Предателями они стали после, – заявил дракон, – сперва – разочаровались. Причём настолько, что легко приняли некроталеры. И переход от безоговорочной веры к отвержению занял у них примерно одни сутки.

Целая площадь согласованно отчаялась в течении суток. Сможет ли Хафиз оценить размах эмоционального скачка? А Драеладр его пережил – не понимая ещё, что к чему, но трепеща перед размахом. Только что его боготворил целый город, стелился у ног и подталкивал на высоченный пьедестал, а дня не прошло – и повсюду океан презрения, и барахтайся там как знаешь!

– Но что же тогда повлекло такую переоценку?

– В этом-то и загадка, – напомнил дракончик.

– И правда... – Хафиз поморщился, и Драеладр почувствовал, что разгадка-то ему знакома, просто не хочется её оглашать.

Дракон уже замечал за уземфским наложником, с каким мастерством тот обходит некоторые неприятные или опасные темы, потому спросил в лоб, распрямляя свои кожистые крылья, чтобы казаться больше:

– Люди с площади на меня горячо надеялись и вдруг разочаровались. Дядя Хафиз, я не верю, что ты не прослышал о причине, так отвечай же, в чём было дело?! – дракончик прикинулся не на шутку рассерженным, чтобы изворотливый наложник остерёгся плутовать.

– Я узнал лишь одно: в Эузе в ту пору поменялся правитель, – немедленно сообщил Хафиз.

– И что это могло значить?

– Ума не приложу, – с изяществом пожал плечами наложник.

Звучало искренне, но таило уловку.

* * *

Пока Драеладр сообразил, что истинное значение смены власти в Эузе мало кому может быть ведомо (отсюда и чистосердечное «ума не приложу»), а у Хафиза в наличии лишь смутные подозрения, которые его и пугают – уземфский плут уже благополучно заснул, оставив дракона с его новым вопросом наедине.

Вывернулся-таки. Но ведь снабдил дракончика пищей для ума! И, между прочим, за всё долгое сидение в хижине на Оползневом склоне Хафиз о смене власти в Эузе упоминал впервые. Прежде не удосуживался.

Ну да, в Эузе и Ярале дядя Хафиз – чужестранец. Ему самому не многое растолковали, а с мерками маленького пустынного Уземфа вряд ли многое охватишь в огромной стране да ещё в переломную пору. Нижне-восточная поэзия, которую уземфеец тонко чувствует, воспекает иные предметы.

Итак, отчего смена верховной власти в стране людей так быстро и резко повлияла на отношение к наследнику правящей династии драконов?

Драеладр пытался думать самостоятельно, но выходила ерунда.

Конечно, Ярал – один из городов Эузы, но расположен он в верхней части почти неприступной Белой горы, сменившийся же правитель так далеко: в столице, куда ехать – не доехать...

Похоже, в рассуждения вкрался серьёзный изъян.

Что мешает? Незнание дворцовой политики? Это уровень затруднений человека Хафиза. А Драеладр может встретиться с дополнительными сложностями. Возможно, ему мешает понять людей его инородная драконья суть.

* * *

Ограничения драконьей сути восполняются человеческим воспитанием.

Но всяким ли человеческим?

Конечно, для молодого дракона с особым предназначением Хафиза подходящим воспитателем не назовешь. Тот и сам получил весьма узкую подготовку – для карьеры наложника в серале царевны Уземфа многие премудрости излишни. У драконов же совсем иные запросы, чем у любой из царевен тамошнего пустынного края.

Небось, другие люди из ближнего круга Лулу Марципарины помогали бы Драеладру разобраться в его загадках много лучше и точнее. Увы, к моменту, когда Драеладр выучился сносно говорить, с ним остался только верный Хафиз. Когда выбирать круг общения не приходится, будешь благодарен и единственному своему воспитателю, каков бы тот ни был.

«Ума не приложу»? Нет. Это других человеческих умов сейчас не приложишь. Исходим из этого.

И от раздражения Драеладр переходил к благодарности, словно впуская в себя давешнюю неразумную толпу с её легковесными крайностями.

Впрочем, на поверку легковесной крайностью оказалось лишь раздражение. Благодарность дракончика имела надёжные основания. Как на него ни дуйся, Хафиз честно старался быть полезным. Учил вере в себя. Именно от него (а не от Бларпа, признанного знатока легенд) новый Драеладр узнал свою великую родословную. И в годы лишения уземфский наложник не раз напоминал воспитаннику, что по матери тот приходится прямым потомком легендарной царицы Эллы. Той, что впервые родила, выкормила и воспитала Великого дракона.

– А как же моя мать? – не раз удивлялся дракончик. – Отчего она перестала меня кормить и воспитывать?

– Она обязательно вернётся, – терпеливо убеждал Хафиз, – ей только надо для этого немножко расколдоваться... – и к слову запевал длинную песню в нижне-восточном стиле, посвящённую совсем другой заколдованной царевне и семерым кочевникам картау с ней.

Кто заколдовал мать маленького Драеладра, Хафиз точно не знал, как и того места, куда её увезли прибывшие с небесным замком драконы. Некая «Канкобра»: поди догадайся, где это расположено.

* * *

Всё, что сохранилось у Драеладра от последних недель общения с матерью, осмыслению пока не подлежало.

Может, высокая поэзия Нижнего Востока и справилась бы с задачей – как знать? Может, именно ей и под силу соединить щедро воспринятые драконом переживания Лулу Марципарины Бианки в логически выстроенное целое. Может, Хафиз искупил бы слабое разумение дворцовой политики Эузы совершенным толкованием заколдованного мира женской души. Однако, чтобы все эти теснящиеся образы передать ему для работы над поэмой, их надо было сперва хоть как-то выразить. Мог ли справиться Драеладр? Нет, он терялся при каждом мало-мальски свободном скачке мысли.

Вихрящиеся шорохи, внезапные испуги, трудные поиски путей совершения самых обычных действий, страх темноты, дружба с темнотой, желание притаиться во тьме, чтобы снаружи тебя не видели, желание показать другим и доказать самой себе, что ты есть, а нет не тебя – кого-то другого...

И вдруг – внезапное решение: надо, пока не поздно, спасти Драеладра! Спасти, немедленно спасти! Какой он хорошенький, мой сыночек...

Чтобы Драеладр наверняка спасся, надо его покормить. Да, не откладывая. Прямо сейчас вскочить и кормить, пока ребёночек не насытится. Чтобы вскочить, надо найти опору. И в этом – основная сложность. Нет опоры! Нет опоры! Пропала опора в жизни. Где-то ты теперь бродишь, мой любезный Чичеро?

От безысходной заброшенности на Лулу Марципарину накатывал страх, и страха было так много, что она понимала: его видно по глазам. Чтобы в её глазах случаем никто не утонул, она с мягкой улыбкой предостерегающе произносила:

– Как-то я растревожилась... Не обращайтесь внимания!

Но внимание обращали, и встревоженные взгляды Хафиза, Бларпа и милой Кэнэкта красноречиво свидетельствовали: бездна уже привлекла внимание, совсем оградить друзей не получилось, они готовились заглянуть, не ведая истинной угрозы.

Но что же я всё о друзьях, спохватывалась Марципарина Бианка, когда ребёнок тысячу лет не кормлен, и она собирала воедино последние крохи воли, и в едином порыве вскакивала на ноги, и шла кормить, но по мере продвижения по долгой анфиладе дворца всё более отчётливо понимала: получается как-то не по-людски. Гости ведь не ограждены, а жадная бездна хохочет, и привлекает очередного зрителя, и предвкушает обильную жатву.

И Лулу Марципарина поспешно возвращалась, и доказывала друзьям, что Драеладра самая пора кормить, что он, бедняжка, совсем отощал и нуждается...

– В чём нуждается, Хафиз?... А ты как скажешь, Кэнэкта?... И вы оба правы! Так что же вы предлагаете делать?... Да, вот и я так думаю – кормить малыша!

Мысли путались, и в том таилась главная катастрофа, ведь каждая мысль была подобна ценнейшим костям вселенной, а знаки препинания в них – на вес золота. Сколько золота уже невосвратимо потрачено, кто бы знал!

Где вы, мысли? Где вы, слова? Где вы, связующие нити? Потеряла...

Нет, дракон ещё не имел достаточно нитей, чтобы просить Хафиза сплести из этих обрывков единую картину. Много потеряла мать, что-то недостаточно внятно расслышал и прочувствовал он, остальное затруднялся воспроизвести человеческим языком. Попросту не хватало слов, а то и способов препинания, чтобы верно увязать причины следствий с целями средств и сторонами частей.

В итоге помощь Хафиза в определении сути беды, постигшей Лулу Марципарину Бианку, свелась к одному-единственному ёмкому слову.

«Заколдована».

Кем заколдована, с какой целью, в какой момент и каким образом? Увы, судить о том не Хафизу. Кто колдовал, тот очень постарался не наследить. Никто из разведчиков Ярала и близко не подошёл к ответу на эти вопросы. Ни Бларп Эйуой, ни госпожа Кэнэкта, ни лучшие её дознаватели.

Сама Лулу Марципарина Бианка тоже не успела ничего понять. И потому даже всё то, что сохранила память Драеладра (а память Драеладра сохранила всё), скорее уводило вон от сути, чем давало ключ.

* * *

Маленький дракон начал осознанно мыслить, говорить и самостоятельно двигаться в то самое время, когда стало слишком поздно.

Главные жизненные события отошли в прошлое. Сохранились в бездонной и вечной драконьей памяти – но без малейшего права на них повлиять.

Воспоминания, сновидения, размышления – вот из чего складывались дни опоздавшего Драеладра. Поводов для немедленного действия жизнь не давала, побуждала ждать, переосмысливая одни события и пытаясь предвосхитить другие. И решать загадки. И придумывать новые.

Одной из загадок, приснившейся ему беспокойной ночью, Драеладр чуть не сбил с ног Хафиза, у которого на плече сам и сидел.

– Кто летает утром на четырёх крыльях, днём на двух, а вечером на трёх? – выпалил он в ухо наложника, отчего тот споткнулся и вызвал мощный камнепад.

– Ума не приложу, – признался Хафиз. – А ты-то сам знаешь?

– Конечно. Это дракон. Но не всякий. Только тот дракон, который стал человеком.

Глава 3. Человек-рептилия

Некоторые события своего младенчества дракончик узнавал только от Хафиза. Его собственная память их не хранила, поскольку он так и не стал их участником, был удалён от них матерью и её друзьями. От некоторых встреч они берегли его с большим тщанием, чем от настроений человеческой толпы. Например – с драконами, что прилетали в открытую сверху парадную залу. Случалось, Драеладр видел их прилёты – и глядел во все глаза, пока его не уводили – нежно, но настойчиво.

А уж как сами драконы заинтересовались рождением Драеладра! Да, с известным опозданием, но с каким азартом!

Не успела Лулу по совету Бланш укрыть дитя от любопытных человеческих глаз, как с небес спустилась сама Гатаматар – огромная бледно-зелёная Мать-Драконница. Приходилась она далёким предком драконам из почти всех неугасших родов, и Лулу Марципарину с маленьким Драеладром также могла числить среди своих потомков. Не каждого явившегося на свет дракона Гатаматар удостоивала личным вниманием. К Драеладру ей пришлось лететь насквозь через все небеса в места, населённые людьми.

Лулу Марципарина Бианка встретила Мать-Драконницу в открытом сверху парадном зале дворца. Вышла к ней настороженно, шёпотом попросила Бларпа и Хафиза держаться поближе; вынести Драеладра отказалась. Да и не зря: выяснилось, что Гатаматар прилетела не просто поприветствовать новорожденного, а хотела забрать его с собой.

– Дракон должен расти среди драконов, – проникновенно вещала она. – пойми, доченька, у людей ему делать нечего.

– Вы хотите у меня его отнять и держать у себя в пещерах? – поразились женщина.

– Не обязательно отнимать, – уточнила драконница, – мы и тебя не против принять вместе с сыном. Правда, не каждый человек выдержит драконий быт, да и не уметь летать у нас бывает опасно. Но я попрошу кого-то из молодых драконов, и за тобой проследят, не позволят глупо погибнуть. Зато – Драеладру будет у нас лучше...

– Род Драеладра всегда жил среди людей, Великая Мать, – отвечала Лулу Марципарина, – в нашем роду судьбы и сущности людей и драконов переплетены. Все мы драконы, но мы же и люди, и не столь важно, кто как выглядит.

Драконница настаивала:

– Люди предадут драконов, вот увидите. И убьют Драеладра, пока он мал и уязвим.

Мать Драеладра заявление Гатаматар испугало и разозлило.

– Ваши суждения о людях, Великая Мать, – сказала она с резкостью, – несправедливы и неверны. Вы весь век провели с драконами, и людей совсем не знаете!

– Не знаю? – горько рассмеялась Гатаматар. – А я ведь старше тебя, девочка. И весь мой век люди пресмыкаются перед Шестой расой, добиваясь права превратиться в мертвецов.

– Но люди Эузы совсем другие!

– Все люди одинаковы.

Лулу плохо понимала по-драконьи, роль толмача с начала разговора взял на себя Бларп Эйуой. Он же и одёргивал Марципарину Бианку, когда та против воли слишком проникалась внушёнными драконницей переживаниями: сочувствием к её мольбам, страхом перед скрытыми угрозами, стыдом за вынужденную дерзость и плохое гостеприимство (с Матерью ведь не принято спорить).

Гатаматар пыталась пророчествовать. Расписывала беды для всего мира, которые проистекут от человеческой неблагодарности. Печалилась человеческой неспособностью воспитать полноценного дракона. Пытаясь подняться выше личных обид, обещала всегда быть

открытой к любому из своих чад, даже к непослушному. И вечно ждать покаяния Лулу Марципарины, буде та одумается.

Женщина выстояла. Пользуясь аргументами, подсказанными Бларпом, она опровергла все вкрадчивые доводы, и напоследок объявила:

– Не думайте, Гатаматар, что мой маленький дракон живёт среди людей. Помните, что его и здесь окружают драконы, пусть и в человеческом облики. В роду Драеладра все люди – тоже драконы, извольте впредь это помнить! – последняя фраза прозвучала с обидной для драконицы резкостью.

– Я надеюсь, дочь моя, ты успеешь раскаяться вовремя, – отбила её выпад Гатаматар.

Улетая, огорчённая Мать-Драконица сделала добрый десяток кругов над дворцом, причём издала протяжённый плач, способный свергнуть в волнение и самого хладнокровного из людей-яральцев.

– Я поссорилась с Гатаматар? – спросила Лулу.

– Ещё нет, – ответил Бларп, – настоящая ссора впереди.

Хафиз также предположил, что если Гатаматар и высказала все горькие слова, которые имела, то обидные слова пока придержала.

– Обидные слова нам скажут её чада и сподвижники, – добавила Эрнестина Кэнэкта, – раз убедить нас не удалось, прибегнут к устрашению.

И как в воду глядела: вслед за Матерью-Драконицей явился самый несдержанный из её крылатых сыновей – некто Мадротор, цветом и порывистостью движений подобный пламени. В красных глазах этого оранжевого дракона явно читался гнев и жажда мести за поругание справедливейших начинаний его матери, из пасти так и брызгала едкая слюна. Не успев подлететь, Мадротор издал леденящий души вопль, потом с тою же громкостью заговорил, но так и не произнёс ничего нового.

– Дракон должен расти среди драконов! – возмущённо восклицал он. – У людей ему делать нечего!..

Недостаток собственных слов Мадротор восполнил угрожающими действиями: имитировал воздушную атаку на замковые постройки. Одну из труб в южном крыле замка грубиян снёс тяжёлым крылом – несомненно, намеренно, с целью демонстрации силы. Из пасти изрыгнул жёлтое пламя, опалившее Хафизу волосы. Мол, такое вам недоступно, мерзкие людишки.

Ответ Бларпа Эйуоя не заставил себя ждать. Быстрее молнии разведчик выхватил огненную плеть, поджёг её и полоснул по пронёсшемуся над головой драконьему брюху. Тем самым Эйуой подтвердил, что и он – самый настоящий дракон, и тоже вполне огнедышащий.

Хафиз успел не на шутку встревожиться, думал, теперь Мадротор станет ломать дворец чудовищными лапами и сокрушит его до самого основания. Но на следующий заход опалённое чудовище не отважилось. Улетая, Мадротор бормотал угрозы, но претворить их в жизнь пока не пробовал.

– Всерьёз напасть на защитников маленького Драеладра? Да его за это сама Мать-Драконица в блин раскатает, – усмехнулся Бларп.

Потом требовательные драконы зачастили. Прилетали и по двое, и по трое, и каждый доступным ему языком убеждал человеческую мать Драеладра отдать малыша соплеменникам. Но Лулу Марципарина Бианка вновь и вновь проявляла необходимую твёрдость, и её было кому поддержать. Бларп Эйуой на время отложил свои обычные разбегания, чтобы в случае надобности поучаствовать в разговорах знанием языка да огненной плетью. Впрочем, плеть больше не пригодилась: драконы не стремились настолько обострять отношения.

К середине осени поток драконов иссяк. Последняя драконица из свиты Гатаматар прилетала трижды и вела нудные разговоры без надежды на успех. Когда Лулу попросила эту драконицу больше не прилетать, та подчинилась с видимым облегчением.

– И всё-таки, зачем Гатаматар хотела забрать у меня Драеладра? – недоумевала Лулу Марципарина.

– Из самых искренних добрых побуждений, – уверил её Бларп Эйуой, – чтобы надёжно защитить от вероломных людей.

Человеческая мать Драеладра недоумённо проговорила:

– Правда? А мне казалось – иначе... Так отчего же мы тогда сопротивлялись?...

– ...Так и сказала, дядя Хафиз?

– Примерно так. Думаю, Великой Матери-Драконице удалось-таки зародить у неё сомнение в безопасности жизни в Ярале для тебя. И стоило драконам отступить, Лулу начала спорить сама с собой.

* * *

Когда Марципарина спорила сама с собой, то не слушала никого, кроме своей подруги Кэнэкты. Та же – в согласии с Бларпом, Дулдокравном и Хафизом – настаивала, что драконов отвадили правильно. В споре слова госпожи Кэнэкты звучали убедительно и ярко. Да и опыт общения с драконами у неё имелся, причём доброго общения на равных. Всё-таки её успехи в разведке снискали уважение не только людей, но и драконов. А это дорогого стоит, учитывая, что в родстве с драконами Кэнэкта не находилась.

– Дядя Хафиз, а как они познакомились, если матушка не бывала в Ярале? – поинтересовался младенец.

– Зато госпожа Кэнэкта где только не побывала! – улыбнулся Хафиз. И рассказал историю, которую видел сам.

Знакомство двух дам произошло в городе Цанц, где издавна правили мертвецы. Лулу Марципарина Бианка находилась там на правах дочери Умбриэля Цилиндрона – цанцкого градоначальника и воеводы, но на самом деле была просто заложницей высокопоставленного мертвеца (её похитили в младенчестве из драконьего гнезда). Эрнестина Кэнэкта прибыла в Цанц специально, чтобы помочь Марципарине бежать – и в том преуспела. Что до способа побега, то он впечатлил всех посвящённых. За беглянкой, сосланной в замок Окс, с небес явился сам Драеладр, разместил её и Кэнэкту на своей широкой белоснежной спине, да и перенёс к труднодоступному Яралу.

Новый Драеладр слушал и возвращался мыслями к тайне своего происхождения. Пусть Хафиз её и не знает, а Лулу – далеко, но есть ведь очевидные факты!

Как отметил для себя наблюдательный дракончик, у его матери был случай пообщаться с прошлым Драеладром, а значит, и родить ему сына. Но Хафиз упрямо твердил, что их связь не больно-то вероятна.

– Но почему? – допытывался он, в волнении хлопая кожистыми крылышками. – Мать летела в Ярал на драконе, я родился драконом, очень на него похожим. Почему бы этому Драеладру не быть моим отцом?

– Потому что он скорее всего твой дед! – отвечал Хафиз с раздражением. – Твою мать мертвецы похищали из его гнезда.

Из беседы о родстве с прошлым Драеладром дракончик вынес важную истину: порой очевидное толкает на неверные заключения. Жители Ярала думали, что Лулу Марципарина Бианка потому родила дракона, что могла с драконом переспать. Но стоит принять во внимание происхождение от дракона самой родительницы, как остаётся согласиться с Хафизом: отцом маленького Драеладра мог оказаться кто угодно: не только дракон, но и человек. Например, бывший наложник красавицы – сам Хафиз.

Мысль о том, что он мог бы быть сыном наложника, дракончику не слишком польстила. Хафиз – он скорее уж в матери годится, а не в отцы. К счастью для Драеладра, Хафиз к нему в отцы вовсе не набивался и даже твердил об обратном:

– Единственное, что знаю наверняка, так это то, что твой отец – не я, – тут Хафиз вздыхал с заметным сожалением, – мои близкие отношения с твоей матерью остались в далёком прошлом, и возобновить их не удалось. От такой давней связи, как наша, не рождаются ни человеческие дети, ни драконы; в последние же годы нас связывала просто дружеская забота.

– Но кто же тогда?...

Хафиз развёл руками в знак неразрешимости загадки, но под требовательным взглядом Драеладра нехотя добавил:

– Последним, кого по-настоящему любила Лулу Марципарина, стал некто Чичеро Кройдонский.

– Человек-сундук? Тот самый, что прихлопнул злодея-некроманта, вознамерившегося проклясть небеса? – вспомнил наследник один из рассказов Хафиза о прошлых днях.

– Да, это он. Но Чичеро не всегда сидел в сундуке. У него с Марципариной были романтические встречи в замке Окс, позже он её разыскивал и в Ярале...

– Вот как, значит, Чичеро, – собрался было поверить Драеладр, но Хафиз поспешил добавить:

– Всё бы говорило за него, но только Чичеро – мертвец, а значит, детей иметь не может...

– Стало быть, не Чичеро, – скоропалительно решил Драеладр.

– Хотя... не думаю, что Чичеро не при чём. В замке Окс с ним было трое живых карликов, каждый из которых мог восполнить его ограничения. Их звали Лимн, Зунг и Дулдокравн – очень живые и резвые ребятки. Думаю, кто-то из них и сделался отцом. Но – под влиянием Чичеро.

Маленький Драеладр слушал и непроизвольно сворачивался в клубок, прикусив кончик хвоста недавно прорезавшимися зубками. Сложнее нет, как совмещать в себе драконью природу с человеческой. Поди разберись в возникающих хитросплетениях!

Чтобы дракон родился от карликов под влиянием мертвеца – мудрено такое для пониmania! Что это за приёмное отцовство? Может, Хафиз шутит?

– Не шучу. И напоминаю, что для наследования отцовство не важно. Важно только для самих матери с отцом. И может остаться семейной тайной, а то и тайной самой Лулу.

Тут в памяти Драеладра мелькнул обрывок одного из прошлых разговоров, прежде не отнесённого к неразрешимой загадке его сыновства.

– Мать хотела меня показать этому Чичеро? – встрепнулся он. – В тот день, как я вылупился.

– Очень хотела, – припомнил Хафиз, – Лулу даже посылала стражей за этим сундуком, но Бларп Эйуой отсоветовал. Сказал, присутствие Владыки Смерти может повредить неокрепшему драконьему разуму. Так оно и есть, скорее всего.

– Представляю, каково самому Чичеро сидеть в сундуке с этакой заразой, – грустно подметил дракончик, – да и сам сундук ведь далеко не яйцо. В смысле, не убежище. Думаю, этот Чичеро день и ночь стучится наружу!

– Нет, молчит, – возразил Хафиз. – Чичеро очень ответственный. Он ведь добровольно там сидит. Понимает: стоит ему выбраться из сундука, как освободится и зловредный демон.

– Ты, похоже, хорошо знал этого Чичеро, дядя Хафиз, – сделал вывод малыш Драеладр, – раз так уверенно говоришь о том, что он понимает там, в сундуке. Вы были дружны?

– Да, я знал Чичеро, и, хотя дружбы с ним не водил, но как-то раз мы вместе выбирались из-за Порога Смерти – перелетели на воздушном замке. А потом шли через Нефотис, Карамц и Уземфскую пустыню, спасаясь от гнева одной царицы... – гордый пережитым приключе-

нием Хафиз мог бы о нём рассказывать часами, но Драеладра интересовал сам Чичеро, а толком объяснить, кто он таков, и почему един в нескольких лицах и – главное – при чём тут карлики, наложнику не позволяли пробелы в образовании.

* * *

Великое назначение Драеладрика ко многому его обязывало. И как великому герою да властителю, ему следовало, конечно, расти не по дням, а по часам. Но вот незадача: дракончик рос почти незаметно для человеческого глаза. Лулу Марципарина Бианка прилежно выкармливала его молоком, сосунок вовсе не пренебрегал её грудью, жадно принимал к ней на долгие часы – и куда что девалось? Мать-кормилица тревожилась, спрашивала у подруги:

– Может, моё молоко ему не подходит?

– Ты подожди, он ещё наберёт, – успокаивала её Кэнэкта.

– Действительно, отчего бы не набрать? – поддерживал Бларп. – Обычно драконы растут быстро, даже без молока. Надо ждать.

– А с молоком они должны расти ещё быстрее, – вздыхала Лулу.

– Это Ута сказала? – проницательно предположила разведчица. – Когда приходила своим лицом в дворцовом зеркале полюбоваться?

– Да, Ута. Она ведь тоже как-то раз снесла яйцо и выкормила дракона...

– Десять лет тому назад, – уточнила Кэнэкта, – и выкормила не до конца. Всего лишь до размеров среднего телёнка. На то ушло месяца три...

– А Драеладру три месяца исполнится через две недели, – напомнила Лулу, – Ута была своему дракону лучшей матерью, чем я.

– Лучшей? Да ведь Ута отдала своего ребёнка Гатаматар, – заметила Кэнэкта с осуждением, – и так мечтала отделаться, что сама же её и приглашала. Очень звала... посоветоваться! – ирония последней фразы могла бы утопить в омуте не только Уту, но и всех, кто с ней знает.

– Ну и что? Ей и правда был нужен совет. Не каждый год женщины драконов рожают, – пожала плечом Лулу, прижимая к другому плечу маленького Драеладра, – а что воспитывать того дракона взялась Гатаматар, тоже понятно: драконице ведь лучше знать...

– Да, лучше, – тряхнула Кэнэкта головой, – только вот сына своего, Куркнарта, без посторонней помощи Ута уже не узнает.

– Да и сам он теперь людей не особенно признаёт, – добавил Эйуой, – и дракон из него вышел – так себе. Попал под влияние порченного.

– Порченного?

– Да, дракона, лишённого имени. Серого. Того самого, кто потерял жемчужину Драеладра, а потом клюнул на простую приманку и много лет провёл на цепи в замке Глюм.

– Слышала я о том драконе, – Лулу вздохнула, – кажется, от Чичеро.

* * *

Немного погодя о сером драконе, некогда томившемся в замке Глюм, узнал и маленький Драеладр – от карлика Дулдокравна. Вообще-то с этим одноглазым мелким человечком наследник правящей драконьей фамилии общался нечасто, зато – наедине.

Стоило к Лулу Марципарине прилететь драконице Гатаматар, или кому-то из её приспешников, как Драеладра она прятала в крошечной комнатке без окон, куда ни один взрослый дракон не то что не просунется, а и заглянуть не сможет. Вынужденная беседовать с крылатым гостем, Лулу оставляла дракончика на Дулдокравна, либо же на Хафиза. Обоим она полностью доверяла, другим же близким друзьям – Кэнэкте, Бларпу – поручить сына

не могла уже потому, что они всякий раз и сами оказывались заняты – как незаменимые в беседах с драконами толмачи и советчики.

Когда с Драеладром оставался Хафиз, он пытался развивать малыша – разучивать человеческий язык, тренировать горделивую осанку и походку, прививать вкус к поэзии уземфского края. Карлик Дулдокравн в своих занятиях с дракончиком был не столь изобретателен. Он всякий раз рассказывал маленькому Драеладру одну и ту же делящуюся несусветную историю, называемую «Как я был посланником Чичеро», причём настаивал, что повествует о подлинных событиях.

Как такое возможно, чтобы живой карлик являлся притом мёртвым посланником Смерти, Драеладр задумался много позже – когда более-менее выучил человеческий язык. Увы, надежда что-либо спросить у Дулдокравна к тому моменту истончилась донельзя. Карлика увели – и вряд ли увели туда, откуда скоро выпустят. Предвещало ли что-то такое развитие событий? Ну, разве что странное поведение провидицы Бланш...

В те же долгие часы, когда одноглазый отшибинец потчевал дракона своей монотонной историей, резонные вопросы ещё не созрели. Драеладр впитывал всё, что ему рассказывалось. И о том, как Дулдокравн вместе с ещё двоими карликами составляли одного Чичеро, и как прятались под чёрным плащом, стараясь никому не показать, что кроме них втроём там никого нет. И как трудно было им втроём ужиться: то-то Дулдокравн и лишился лучшего своего глаза. И как заманил их в замок Глюм подлый великан Плюст, а замок оказался тюрьмой. И как потерялись в том замке два карлика, и Дулдокравн под плащом Чичеро остался один как перст.

Грустно и тревожно было Дулдокравну в одиночку прикидываться посланником Смерти, да слоняться по замку, из которого нет выхода. Вот тогда-то, кстати, и наблюдал одноглазый карлик воздушный бой между замковой башней, мечущей молнии, и двумя небесными замками, что подлетели свыше. Отразили они донными своими зеркалами жестокую молнию обратно в Глюм, да так ловко, что снесли тюремную башню, а узник её – посаженный на цепь серый дракон – ничуть не пострадал, а вырвался на свободу, оглашая небеса... Хотя нет, не оглашая. Молча улетел.

Позднее, вспоминая поведенный карликом эпизод об узниках Глюма, маленький дракон и сам прочувствовал тоскливую жуть положения того злополучного серого дракона, ощутил пробирающий до дрожи холод оков и глухую печаль долгого заточения среди каменных стен.

Нечто подобное испытал и сам Драеладр, прячась вместе с Хафизом в позабытой людьми ветхой хижине. Скрываться в ней им пришлось, чтобы не лишиться свободы, но эта тайная свобода вышла сродни заточению. Вроде, и не прикован, а наружу не покажешься.

* * *

К четырёхмесячному возрасту после вылупления ползать Драеладр с грехом пополам научился, а летать – нет. Он разве что невысоко вспархивал. Глядя на его потуги, Лулу Марципарина горестно качала головой и, должно быть, винила себя. Мало любила, мало кормила, мало понимала – вот какие темы зазвучали в её речах – без различия, говорила ли она с кем-то из ближнего круга друзей, или с завистницами из женского кружка.

Кому единственно Марципарина не жаловалась, так это драконам. Оно и понятно: свита Гатаматар обрадовалась бы любому поводу забрать её крылатое дитя к себе в труднодоступные небесные пещеры.

Драеладр, чувствуя состояние матери, пытался её ободрить то улыбкой, то очередной озорной проделкой – но тщетно. Из улыбки Лулу вычитывала отчаяние и готовность прими-

риться с безнадежно глупой матерью, из озорных проделок – жажду мести за нанесённый ущерб.

– Он дракон настоящий, а я – только по происхождению; я совсем его не понимаю! – жаловалась Марципарина Кэнэкте.

– Не тужи: в самом крайнем случае поможет Гатаматар! – утешала та. – Только до крайнего случая мы доводить не будем. Драеладрик ведь нужен и тебе самой, правда?

– Правда, правда! – кивала Марципарина Бианка, преданно глядя в глаза подруги. И минуту спустя начинала тот же разговор заново.

В ту пору Драеладр устал выдерживать многочисленные тревоги матери, обращаться к ней стал реже, а весь ушёл в исследование дворцовых покоев. Где он только не проползал! Он бывал даже там, где с момента постройки не ступала ни нога человеческая, ни швабра наводящей чистоту прислуги! И под лестницами, и в чуланах, и в чердачных помещениях, куда много лет сваливали пришедшие в негодность драгоценности.

Фамильный дворец Драеладра давно стоял не очень-то обитаемым. Прошлый Драеладр редко в нём появлялся, а в его отсутствие и люди-родственники сторонились помпезного сооружения. Лишь тот, кто не имел в Ярале собственного жилья – вот как Марципарина после перелёта из замка Окс – использовал дворец в качестве временного пристанища. Всё же здесь удобнее, чем в тесных яральских гостиницах. Конечно, на виду, ну и пусть!

Из всех дворцовых покоев – пустых, почти лишённых мебели, маленький наследник более всего полюбил комнатку без окон в самом углу второго этажа южного крыла. Именно здесь он проводил с Дулдокравном или Хафизом часы пребывания в замке драконов из свиты Гатаматар. Комнатка была мала – конечно, лишь в сравнении с прочими – и вёл к ней особенно узкий коридорчик, где и маленькому дракону не было опасности себя потерять. А вот потолок в комнатке равнялся по высоте с потолками всех дворцовых залов. Тем самым комнатка напоминала колодец и звала Драеладрика учиться летать.

Под самым потолком висела люстра с тремя серебряными фигурками дерущихся грифонов – разинутые орлиные клювы, отточенные львиные когти, расправленные драконьи крылья. Люстра очень нравились маленькому Драеладру, в чём Лулу Марципарина не преминула отыскать себе упрёк.

– Мой мальчик очень скучает по сородичам, – вздыхала она, раскрывая душу завистливой моднице Уте, честолюбивой супруге градоначальника Капитолине и жеманной советнице Валериане, – и что самое грустное: он их ни разу не видел! Ведь не могу я его представить ни Гатаматар, ни другому дракону!

– И то правда, – глубокомысленно кивала Капитолина, – а впрочем, почему это?

– Ну как вы не понимаете: драконы просто заберут у меня ребёнка! Особенно, если увидят, что он у меня плохо растёт... Страшно подумать, что они могут вообразить!

– Вы правы, дорогая, – изрекала Валериана, – но с чего вы взяли, что он скучает по драконам, если он их не видел?

– Всё очень просто, – грустно улыбалась Марципарина. – Он ищет и не находит среди людей себе подобного, поэтому так обожает грифонов!

– Каких грифонов? – округлила глаза Капитолина.

– Скульптурки на люстре в той угловой комнатке, – показала Лулу в конец коридора. Мой малыш там часами ползает и всё глядит на люстру с грифонами, пытается летать – и не может!..

– Не может летать? – переспросила Валериана. – Наверное, он слишком тяжёл. Может, вы его перекармливаете?

* * *

Драеладр и правда полюбил грифончиков на люстре – таких же серебряных, как окрас его собственной чешуи, к тому же соответствующих ему по размеру. Конечно, пока ему не удалось подняться в воздух, эта подпотолочная игрушка оставалась недоступной. Но нашли другие игрушки – те оказались в пределах досягаемости.

Во-первых, три аметистовые бусинки от любимого ожерелья Марципарины. Как-то раз Драеладр за это ожерелье дёрнул, оно рассыпалось – и собрать его удалось не полностью. В години познания дворцовых пространств дракончик нашёл все недостающие бусины, большинство из них снова потерял, но самую красивую оставил для будущих игр в укромном месте. Потом добавил туда самую круглую и самую прозрачную.

Во-вторых, карманное зеркальце Хафиза. Когда-то уземфеец нуждался в нём, чтобы привести себя в порядок до и после возлежания с госпожой, но теперь от ремесла наложника Хафиз отошёл – и не столь уж нуждался в этой вещице. Драеладру же часто желалось посмотреть на своё зеркальное изображение. Может, чтобы убедиться: он по-прежнему не такой, как все люди. Имеет крылья и чешую, а ещё мал ростом.

В-третьих, тусклый маленький ключик, похищенный из кармана платья Эрнестины Кэнэкта. Как-то раз чересчур самоуверенная разведчица куда-то Драеладра не пустила – и была наказана за самоуправство. Отобрав этот ключ, он тоже её куда-то не подпустил.

В четвёртых, блестящая монетка. Золотой карамцкий манат, как без труда определил Бларп Эйуой. Манат, должно быть, обронил Хафиз, но, видя его у дракончика – не претендовал. Ещё бы: попробуй заberi!

В-пятых, шкатулка. Изящная резная шкатулка из лучшего яральского малахита, найденная под одним из столов, задвинутых шкафами в заброшенной дворцовой библиотеке. Шкатулка была пуста и не закрывалась. Но зато в неё прекрасно помещались все остальные сокровища маленького Драеладра. Кроме недостижимых грифонов, понятное дело.

В пору тягостных раздумий о судьбах своей родины Драеладр обращался к шкатулке с ценными предметами, перекладывал их то наружу, то внутрь – и они, кажется, помогали движению его мысли. Что немаловажно, учитывая покуда не проявившуюся у дракона способность к освоению человеческого языка.

* * *

Ощущение неправильности всего посещало Драеладра, начиная с пятимесячного возраста. Лулу Марципарина Бианка, слишком озабоченная его малым ростом и весом, стала забывать его покормить. Она то застывала на месте, словно застигнутая внезапной мыслью, то озабоченно слонялась по дворцу, неслышно скользя из комнаты в комнату, подобно привидению.

Если она что-то и искала, то этого во дворце точно не было. Если и была у неё какая-то мысль, додумать её ни разу не удавалось. Может, она потеряла свой мир? Тот, в котором рождение Драеладра становилось событием для всех людей и драконов.

Когда кто-то из близких друзей напоминал ей о сыне, Лулу спохватывалась и бросалась его искать, чтобы обессилено остановиться в соседней комнате. Она подозревала, что Драеладр заколдован. Да и как он может не быть заколдован, если за все истекшие месяцы ничуть не вырос, и мог бы легко поместиться в собственном яйце?

Правда ли подвергся околдованию Драеладр? Не исключено, конечно. Только Кэнэкта, Дулдокравн и Хафиз сошлись во мнении, что заколдована сама Лулу. Кем заколдована, и есть ли возможность расколдовать? О том стоило бы спросить Бларпа Эйуоя, но вот незадача:

он находился в постоянных разъездах. Где он, Кэнэкта точно не знала – перед нею Бларп отчитывался лишь тогда, когда сам считал нужным.

– Спасибо, хоть помог общению Лулу с драконами, – с безнадёжностью махала рукой начальница разведки, – а теперь он где-то там, за Порогом Смерти. Говорил, ищет способ проникнуть в Котлован. Говорил, что на дне этой дыры должна лежать жемчужина Драеладра. Та, что носит имя Лунный Пламень.

– Ну, раз так, пусть ищет, – уважительно качал головой Хафиз.

– Да он её двадцать лет ищет, а что толку? – взрывалась разведчица.

– Не везёт! – шурил Дулдокравн единственный глаз.

А Драеладр ползал между ними, слушал, смотрел, запоминал на будущее. Чему он к пяти месяцам научился, так это быть незаметным. Не потому ли человеческая мать так часто о нём забывала?

Странности в поведении Марципарины стали настолько явными, что Эрнестина Кэнэкта взяла на себя смелость отказать в посещении господам Уте, Валериане, Капитолине – и прочему «женскому миру», ведь в нём никто не утруждал себя держанием языка за зубами. По мнению Хафиза, отказ прозвучал в излишне резкой форме. Не удивительно: в тот день и саму Кэнэктю настигли серьёзные неприятности.

Нет, новый царь не велел сместить её с должности. Он придумал новую должность, чтобы своего человека поставить над нею. Кэнэкта вся кипела: наемники мужа этих самых Валерианы и Капитолины злорадно перемигивались, узнав о скором приезде в Ярал самого господина Конана – Гросс-Патриарха царского «Обсерваториума по прояснению злокозненных намерений иноплеменных супостатов».

– Что, так и называется? – присвистнул Дулдокравн.

– Именно так. Полночи зубрила, – процедила Кэнэкта. – На днях к нам поднимется этот Гросс-Патриарх и начнёт распоряжаться. И всех кругом проверять.

– И меня проверит, – вздохнул карлик, – я ведь из Великого народа Отшибины, а значит – иноплеменный супостат. Явился в Ярал выпытать секреты, подольстился к главному лицу...

– Не язви, дорогой, – оборвала его Кэнэкта, – ибо так оно и будет!

* * *

В ожидании Гросс-Патриарха о чём только не переговори́ли друзья Лулу Марципарины. Вспоминая эти разговоры, Драеладр неожиданно для себя понял, что имеет все недостающие звенья для понимания давешнего разочарования толпы на площади. Мог бы и не приставать с вопросами к уклончивому Хафизу.

Определённо, люди Ярала отвернулись от Драеладра неспроста. Пожалуй, их стоило бы упрекнуть в малодушии, но не в беспочвенной смене упований. Что-что, а почва нашлась. Увы: в Эузе сменился царь, и это никак не мелочь. Ибо он, во-первых, настоящий царь, во-вторых, сменился.

Если прошлый царь ненавидел мертвецов, то нынешний – не любил драконов. Разумеется, многоопытной Кэнэкте такая черта нового правителя была известна заранее, но и она не предполагала, что дело настолько серьёзно. Недоверие драконам чревато. Если люди расторгнут союз с драконами – не поздоровится всем, и прежде всего людям. Ведь именно к ним вломятся мертвецы Шестой расы – придут из-за Порогов Смерти, да ещё из каждого пещерного города, коими щедро усеяна Большая тропа мёртвых.

Конечно, драконы не смогут помогать Эузе, если царь против. Ясно, они сильно обидятся и предоставят людей их судьбе. Судьба людей на доступных мертвецам низинах будет куда печальней, чем у яральцев. Да, Ярал – город Эузы, но ведь это особый город, распо-

ложенный на неприступной горе. Сюда иначе, как на воздушном замке и не поднимешься, а замками-то – вот незадача! – управляют драконы! Так что же могло настолько угрожать жителям Ярала, что они так перетрусили на той злополучной площади у дворца? Не иначе – царская немилость. Точно, именно она.

Ответ пришёл из обрывков диалога Кэнэкта с Дулдокравном, по которым дракон задним числом восстановил целое. Те тоже спорили о судьбе Ярала, и карлик видел её – судьбу – веселее, чем следовало:

– А вот что: раз без драконов Ярал невозможен, драконы здесь будут! Мы живём не просто в Эузе, а – на полпути от земли до небес, между людьми и драконами. Чего опасаться, дорогая? Сюда точно не доберутся мертвецы, хоть бы они и всю Эзу захватили с неразумным царём в придачу!

– И что же, царь Эузы настолько неразумен, что не поймёт твоей простой логики? – молвила Кэнэкта несколько навзрыд.

– Почему не поймёт? Он ей последует! – воскликнул Дулдокравн.

– Нет, воспротивится! – устало возразила Кэнэкта. – Царь Эузы не допустит, чтобы в его царстве остались города с особым мнением. Именно поэтому Ярал из всех городов Эузы пострадает первым!

Именно поэтому, – добавил от себя Драеладр, – толпа перестала меня приветствовать, а нам с Хафизом пришлось унести ноги из дворца.

Толпа яральцев – особая толпа, способная чутя опасность заранее. Ибо (о том когда-то говорил Бларп) и строился-то Ярал как город разведчиков да шпионов. Здесь почти нет других ремёсел. Лишь разведка, да ещё разведка, да всё то, что делает возможным разведку. Потому-то главным человеком в Ярале никогда не считался градоначальник – к особенной досаде жены его, госпожи Капитолины. Право же: главнее Эрнестины Кэнэкта здесь издавна мог считаться лишь дракон Драеладр.

Ах да, был ещё Бларп Эйуой, который мог её не слушаться и даже давать советы. Но Эйуой – исключение; второй такой в Ярале невозможен. Впрочем, вряд ли дело в простом исключении. Что, если Эйуой – как родственник Драеладра – негласно руководил той же самой разведкой со стороны дружественных драконов?

Знает ли новый царь об особом положении Бларпа? Даже если и не знает, то уже положение Кэнэкта его не оставило равнодушным. То-то и присылает он ей на погибель своих Гросс-Патриархов.

Задача Гросс-Патриарха заранее понятна: освободить разведку от влияния драконов. Даже ценой полного её разрушения. До сих пор ведь было как? Кто главный разведчик Ярала, тот главный разведчик и во всей Эузе. Зачем царству другая разведка, коли яральская так потрясающе хороша?

Нет никакого смысла в существовании Ярала, если не заниматься разведкой, а в ней с необходимостью участвуют драконы. Если же драконов приравнять к иноплеменным супостатам, тогда и Ярала быть не должно...

– Новый царь могущественен и недоверчив, – произнёс Драеладр вслух сделанный им вывод, – это сочетание и приведёт к опасности, которую предчувствовали люди на площади. Ну, когда разочаровались.

– Ты становишься проникательным, – польстил Хафиз Драеладру, – мне и самому не сразу открылось главное. Царь Эузы – это совсем не то, что правитель Уземфа! Я этого не понимал, пока не случилось худшее.

– Это ещё не главное! – возразил дракон. – И худшее ещё не случилось. Когда драконы откажутся помогать людям, тут-то всё и начнётся...

– Значит, где-то есть драконы, которые откажутся? – вдруг рассмеялся Хафиз. – Интересные речи о драконах порой услышишь от Драеладра!

Драеладр и сам уже устыдился сказанного: он, глава династии драконов, повёл себя так, будто недоверие людей на площади заранее лишило его всех полномочий заодно с принадлежностью к крылатой расе.

– Я вижу, ты заметил, что только что исключил себя из драконов, – мягко подытожил Хафиз.

– Причина одна: я повторил не свои слова, – догадался Драеладр и ловко описал круг над головой Хафиза в малом промежутке под низким потолком хижины.

* * *

Прибытие в Ярал Гросс-Патриарха не дало Кэнэкте повода расслабиться. Встреча с ним и его приспешниками подтвердила худшие её подозрения.

– Индюки в зелёных мантиях! – восклицала она, и пышная грудь её в ярости вздымалась. – Приехали делить мою власть. Последняя сошка пыталась распоряжаться у меня в башне, как дома!

– Сошка ещё жива? – улыбнулся карлик.

– Жива, но уяснила, что пока она не сам Гросс-Патриарх, ей лучше заткнуться! – мстительно проворчала Кэнэкта. – Нигде не записано, что я должна слушаться не только господина Конана, но и всех его прихвостней!

– А что же сам Гросс-Патриарх Конан?

– Плохо! – вздохнула начальница разведки. – Первым же долгом потребовал, чтобы я немедленно расторгла все договорённости с драконами. И чтобы изгнала из Ярала всех драконов и членов их семей. Обещал проверить город специальным камнем-индикатором драконьего присутствия.

– Однако, – призадумался Дулдокравн, – что тут скажешь!

– Положим, я нашла, что сказать, – невесело усмехнулась разведчица, – я смиренно спросила у Гросс-Патриарха, планирует ли он когда-либо покинуть Ярал.

– Ну, а он?

– Сказал, что долго в нашей дыре не задержится, но оставит вместо себя Кляйн-Патриарха Викто со всеми полномочиями, и вручит ему для контроля за драконами свой индикаторный камень.

– Но ты нашла, что возразить?

– Ещё бы! Я сказала, что если выполню приказ о немедленном изгнании драконов, господину Конану покинуть нашу дыру никак не удастся. Я напомнила, что господин Конан со сподвижниками прибыл в Ярал на воздушном замке, управляемом четырьмя драконами.

– Ловко!

– Гросс-Патриарх понял, что оконфузился перед своими же подчинёнными, но признался, что о транспорте-то и не подумал, – со смехом в голосе продолжала Кэнэкта, – да так и припечатал взглядом Кляйн-Патриарха Викто: мол, плохо подготовил решение. Эта лиса Викто, ясное дело, давай выкручиваться: говорит, воздушные замки возят подневольные драконы, а это другое дело. Дескать, врагами Эузы можно объявить лишь свободных драконов, а подневольным позволить работать.

– Пожалуй, выкрутился, – оценил Дулдокравн.

– Нет уж! Я этому Викту и говорю: «Подневольных драконов не бывает. Просто некоторые драконы провинились и отбывают наказание на всяких полезных работах!». Кляйн-Патриарх мне в ответ: «Подневольные, провинившиеся – какая разница?». «А та, – говорю я, – что драконы-водители замков провинились не перед людьми, а перед свободными драконами. Стоит людям со свободными драконами поссориться – и они отзовут тех, которые провинились». Эти гадостные Патриархи аж позеленели в тон своим мантиям.

– Так им, выскочкам, – поддакнул Дулдокравн.

– Весело было, – вздохнула Кэнэкта, – только зря я им всё это выложила. Теперь они всё обдумают и точно не сядут в лужу, когда начнут нам вредить... Да, вот ещё что. Гросс-Патриарх завтра отбывает из Ярала и просит меня лично показать ему основные подпольные дружины – в Бегоне, Уземфе, Карамце, Глукще и Адовадаи. Боюсь, эта поездка задумана, чтобы выманить меня из Ярала, но отказаться не могу.

– А может, всё-таки...

– Нет, неповиновение будет на руку этому Конану. Он получит удобный повод уничтожить меня раз и навсегда.

– В Ярале много верных тебе людей – не выдадут...

– Да нет же! – молвила Кэнэкта с испугом. – Втравить верных людей в гибельную авантюру – ради чего? Не могу же я затевать войну со всей Эузой!

Потом Дулдокравн с Кэнэкткой долго – едва ли не весь день – сидели, не разжимая прощальных объятий. Беззастенчиво пользуясь тем, что во дворце их видит один Драеладр, а не пришельцы в зелёных мантиях, перед которыми они опасались афишировать свои отношения. Куда-куда, а во дворец Драеладра Патриархи не сунули носы. Пока что.

* * *

Бларп Эйуой разминулся с улетевшей Кэнэкткой на какую-то недельку. Ещё причаливая к пирсу для воздушных замков, бывалый разведчик уловил перемены: дежурство в порту людей в зелёных мантиях и обилие стражников в красном – разведчики Ярала так не одевались.

Эйуой ждал беды, но не настолько быстро; конечно же, его заметили. Прибытие воздушного замка к любому из городских пирсов незамеченным не проходит, и всякого, кто спускается по верёвочной лестнице, видно почти из любой точки Ярала, широко расползшегося по склонам Белой горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.